

О РОССИИ С ЛЮБОВЬЮ

Читайте в серии:

ОЛЬГА,
ЛЕСНАЯ КНЯГИНЯ

•

ТАЙНА
ДРЕВЛЯНСКОЙ КНЯГИНИ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ ЗИМНИХ ВОЛКОВ

•

ОЛЬГА,
КНЯГИНЯ РУССКОЙ ДРУЖИНЫ

•

ВЕНЕЦ ПРЯМИСЛАВЫ

•

ДВЕ ЖЕНЫ ДЛЯ СВЯТОСЛАВА

Елизавета ДВОРЕЦКАЯ

КНЯГИНЯ ОЛЬГА
И ДАРЫ ЗОЛОТОГО
ЦАРСТВА

МОСКВА 2017

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д24

Оформление серии *Д. Сазонова*

Иллюстрация на переплете *В. Нартова*

Дворецкая, Елизавета.

Д24 Княгиня Ольга и дары Золотого царства / Елизавета Дворецкая. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 512 с. — (Исторические романы Елизаветы Дворецкой).

ISBN 978-5-699-94547-4

Ради укрепления и возвышения Руси княгиня Ольга отправилась в Греческое царство, дабы заручиться поддержкой царя Константина. Военный союз помог бы ее сыну, киевскому князю Святославу, разбить Хазарский каганат. Но это не всё, о чем осмелилась просить Ольга... Приняв крещение и став духовной дочерью византийского правителя, она надеялась достичь сразу нескольких целей, однако поездка в Царьград принесла совершенно иные плоды...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-94547-4

© Дворецкая Е., 2017
© Нартов В., иллюстрация на переплете, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Предисловие автора

Роман «Львы Золотого царства», пятый в цикле о княгине Ольге, посвящен описанию поездки княгини в Константинополь (957 год), ее крещению и ближайшим следствиям этого события. Крещение Ольги — один из наиболее значимых по своим последствиям фактов того периода, поэтому миновать его нельзя, но в силу своего содержания оно занимает пограничное положение между исторической наукой и православной культурой. Княгиня Ольга — реальное историческое лицо и при этом святая: история и Церковь — обе предъявляют на нее свои права и каждая имеет свой собственный угол зрения на этот образ. Перед вами именно исторический роман, а не романизированное житие, поэтому крещение рассматривается не с церковной, а с человеческой точки зрения. В наше время вопрос «выбора веры» вновь приобрел актуальность, но передо мной не стояло задачи агитировать ни за христианство, ни против. Княгиня Ольга тысячу лет назад сделала свой цивилизационный выбор, это исторический факт. Я не намеревалась как-то судить ее решение — это значило бы много брать на себя, учитывая масштаб изображаемой личности, — а пыталась рассмотреть, как это произошло и чем сопровождалось.

Принять совершенно иное мировоззрение — само по себе духовный подвиг. А ведь ей еще предстояло жить среди людей, с которыми у нее с тех пор было разное миропонимание. Это нелегко и для обычного человека, а тут речь идет о женщине, у которой христианские обязанности

неизбежно вошли в противоречие с обязанностями правительницы языческого государства.

В отличие от церковной литературы и даже летописной ее версии, которые сосредоточены только на крещении как цели поездки, наука знает: крещение Ольги было лишь частью масштабных международных переговоров, которые велись между нею (ее посольством) и властями Византии. К сожалению, никакие источники не освещают содержание, ход и результаты этих переговоров, и историки делают лишь довольно общее предположение, что речь шла «о торговле и военно-политическом сотрудничестве». Зато есть два серьезных основания считать, что исходом их Ольга осталась недовольна. Во-первых, на это указывает сохраненная летописью ее фраза, обращенная к греческим послам: «Если ты так же постоишь у меня в Почайне, как я в Суду, то тогда дам тебе». Во-вторых, тот факт, что два года спустя, в 959 году, Ольга отправила посольство к германскому королю Оттону с просьбой дать для Руси епископа — это означает, что греческого епископа она не привезла. Чтобы попробовать восстановить содержание переговоров, нужно изучить положение дел каждой из сторон, осознать ее вероятные задачи, желания и сферы пересечения их интересов. Похоже, что прежде никто из писателей подобной задачи перед собой не ставил.

Около половины действия происходит в Греческом царстве. История Византии — это история утраченного мира. Того государства давно нет, более того — его территория оказалась во власти людей иной веры и культуры, в глазах которых византийская старина не стоит ничего. Например, на месте дворца Магнавра, где император принимал самые важные посольства, дабы сразить их невероятной роскошью и чудесами, сейчас стоит отель. Под ним при строительстве были обнаружены подземные помещения, которые так и остались неисследованными. Остатки других помещений дворца можно увидеть, как говорят, в подвалах

современных стамбульских магазинов (с позволения хозяев), причем размером эти остатки — до шести залов, составлявшие когда-то коридор дворца.

Но все же, несмотря на невосполнимые утраты, о культуре «Греческого царства» сохранилось огромное количество сведений. Чтобы не превращать роман в учебник по истории искусств или путеводитель по давно погибшему городу, в отборе материалов мне пришлось ограничиться тем, что могло иметь касательство к пребыванию Ольги в Константинополе и к ее интересам там. У каждого из увиденных ею объектов — здания, помещения, улицы и так далее — и прочих есть своя история, но если бы мы снабдили княгиню гидом, который всякий раз стал бы рассказывать: «А вот в этом покое, называемом Оатон, молния испепелила императора Анастасия», — наш роман совершенно утратил бы берега. Я не описывала всего интересного, что Ольга могла увидеть в Царьграде (если бы в один из вторников посетила монастырь Богоматери Одигитрии и так далее). А только то, что непосредственно должно было повлиять на ее впечатления, не слишком уводя нас в сторону от нашей темы.

Богатейшая византийская культура погибла, не оставив прямых наследников. Ни один современный народ не ведет от византийцев свою родословную. Но именно мы, русские, объявили себя Третьим Римом, когда Новый Рим — Византия — погиб. Получив из Византии православие и значительный пласт светской культуры, мы сохранили и развили ее наследие после того, как на своей родине она ушла в небытие. Символично, что золотые механические павлины, когда-то стоявшие у трона императора, прибыли в Россию в составе приданого Софьи Палеолог, какое-то время хранились в царской казне, но во время Северной войны были Петром переплавлены на деньги для военных нужд; таким образом, наследие старины в буквальном смысле стало основой сражений за будущее державы и ее грядущих побед.

Пролог

Эту сказку я впервые услышала от старой княгини Годонегги — моей бабки по матери. Помню, что нам с Утой было лет по пять, а сестры еще даже разговаривать не умели: ползали по полу и порой принимались вопить. Не удержалось в памяти, как баба Годоня тогда выглядела, хотя в то время ей полагалось быть еще довольно крепкой женщиной. Может, лет на пять старше, чем я сейчас. Остался только ее голос и те образы, которые вставляли у меня перед глазами по мере ее рассказа.

— ...Доехал Запечник до ледяной горы — стоит гора высокая, верхушкой в небо уперлась. Надел на руки и на ноги железные когти и полез на гору. День лезет, другой лезет...

Эта ледяная гора из сказки бабы Годони сливалась в моих мыслях с Йотунхеймом — страной ледяных великанов, о которых нам рассказывал отец. Когда Запечник странствовал, отыскивая свою мать — княгиню Золотую Косу, — я все время ждала, что он на них наткнется. Но встречалось ему нечто совсем иное.

— Видит: медный дворец стоит, у медных ворот змеи на медных цепях прикованы, так и кишат. У медного колодца медный ковшик висит...

Когда наши скутары наконец вышли из Босфора в Пропонтиду — мне тогда уже казалось, что мы странствуем, будто в сказке, целых три года, — все это разом предстало передо мной: горы цвета железа, каменные стены и кровли дворцов, залитые медью греческого заката. В наших краях — ни на Великой, ни на Днепре — я никогда не видела

такого золотисто-медного заката, в котором переливались бы всевозможные оттенки желтого, без капли багреца. Наверху и внизу, как отражения друг друга, простирались вересково-черничные полотна — небо и море...

Довольно скоро нам встретилось и остальное: медные колодцы-крины, серебряные двери, золотые ковши. Бронзовые змеи, угрожающе раскрывшие пасти на три стороны света, и всякие другие невиданные звери. Царица на высоком престоле, что «в самоцветные наряды убрана, золотым венцом увенчана». Я въяви попала туда, куда молодцы из сказок проникали, взобравшись на ледяную гору или спустившись через дыру в земле.

Но... Кириос о Теос!¹ Порой во мне оживал голос бабы Годони и возникало чувство, будто я лишь слушаю сказку о себе. И бабка по матери виделась мне такой, какой я встретила ее последний раз в жизни: старухой-птицей в берестяной клювастой личине, стражницей рубежа между миром живых и мертвых. Поднявшей клюку с угрозой: вам не выйти отсюда!

Но все-таки мы вышли. Я сидела с хозяевами Золотого царства за золотым столом, ела с золотых блюд и пила из золотых кубков. И невольно искала взглядом то колечко, «в котором все Золотое царство состоит». Чтобы, вернувшись домой, прокатить его по дороге — и все Золотое царство перед тобой как жар горит...

¹ Господи Боже! (греч.)

Часть первая

— Эльга, сегодня! — Ута открыла глаза и устремила взгляд в шерстяную кровлю. — Сегодня мы будем дома.

— Да ладно тебе... — вяло отозвалась княгиня, не поворачиваясь к ней. — Не верю.

Ута не обиделась. Они ночевали вдвоем в шатре, посреди стана, устроенного на берегу Днепра возле урочища Ковали. На высоком прибрежном склоне когда-то, во времена древлянского владычества над полянами, раскинулось поселение, откуда в Киев возили кузнечный товар. Сейчас оно лежало полузаброшенным, и лишь у двух-трех облупленных хатенок паслись козы, возились босоногие дети в коротеньких рубашонках и валялись в тени тощие собаки. Княгине с ее многочисленной дружиной там не нашлось бы пристанища, и заночевали на лугу: для женщин и послов поставили шатры, а отроки и челядь спали прямо у костров, благо ночи в травень месяц выдавались ясными.

— Что, не мараморяные лежанки? — улыбнулась Эльга, глядя, как Лютегость, посол от плесковского князя Белояра, ее двоюродного брата, сам раскатывает свой постельник поверх груды елового лапника: земля весной еще влажна и холодна.

— Да ну их к лешему! Я, матушка, на том камне все бока изломал! — откровенно ответил Лютегость. — Лучше на земле спать, к тому же на нашем берегу — уже почти дома!

И засмеялся: до настоящего дома ему предстояло ехать еще столько же.

Это был тридцатый ночлег посольства после входа в Днепр из Греческого моря. День Эльга и Ута проводили на корме самой большой княгининой лодьи, где над задней скамьей устроили полотняную сень для защиты от солнца. Во время дождя или сильного ветра на нее накидывали бычью кожу. Там они и сидели — то обмахиваясь веткой от жары, то кутаясь в свиты и толстые шерстяные плащи от пронизывающего холода с воды. За время путешествия этот полог стал им родным домом — и ненавистным, и любимым. Отсюда они смотрели на каменистые земли Греческого и Болгарского царств, на бескрайние заросли лозы в устье Днепра, на зеленые кручи и дальние луга Нижнего и Среднего Поднепровья.

По пути к морю русы одолели низовья Днепра вдвое быстрее, а обратная дорога против течения, по большей части на веслах, казалась бесконечной. Дни почти не отличались один от другого, и каждый тянулся долго-долго. Разнообразие внесло лишь прохождение порогов, но и те давно остались позади. Женщины уже изнемогали: Предслава, Прибыслава, Володея, Горяня, Ярослава, Святана и Живляна только и ныли целыми днями, как они устали и как хотят наконец увидеть свой дом и детей. Эльга понимала их: она тоже не видела дом и детей целый год. И все же усмиряла их, чтобы не голосили, а терпеливо сносили невзгоду. «Молитесь лучше, Бог укрепит», — говорила она им, и они умолкали в недоумении. Они умели причитанием вымывать тоску из сердца, но молитвой переплавлять ее в радость им еще предстояло учиться. Долго учиться...

Ута вылезла из-под двух одеял и взялась за гребень. К концу четвертого десятка лет, после шестикратных родов, у нее осталось не так много волос, чтобы для ухода за ними требовалась помощь: она расчесывала, заплетала косы и укладывала сама. Эльга наблюдала за ней, не шевелясь. Ута спешила, будто боялась не поспеть с убором до прибы-

тия в Киев, хотя лодьи стояли у берега. И судя по тишине вокруг, вся многочисленная дружина спала, даже отроки еще не ходили выбирать поставленные на ночь сети. Это она от волнения. Того же, что отняло у Эльги последние остатки растрченных в путешествии сил. Сейчас, когда до дома оставался один шаг, княгиня чувствовала себя такой усталой, что лежала пластом и с ужасом думала, что встать все же придется. Придавливала к земле сама мысль о беспредельности пройденного пространства. За море сходили, они, женщины!

— Ты сама-то веришь? — спросила Эльга, глядя в спину сестры.

Ута обернулась, опустив гребень, и посмотрела на нее таким несчастным взглядом, будто услышала что-то обидное:

— Что мы сегодня будем в Киеве?

— Что Киев вообще есть на свете.

— Когда в Царьград ехали, ты не спрашивала, есть ли он на свете.

От соседних шатров донесся плач младенца, потом сонный женский голос. Живляна Дивиславна отправилась в поход заодно со своим мужем, Одульвом, и возглавляла служанок Эльги. За время путешествия она успела и зачать, и родить четвертое свое дитя. Как раз под весеннее равноденствие, когда греки отмечали церковный праздник Эвагелизмос¹, а русы у себя в палатионе Маманта, крещеные и некрещеные, вместе ели блины и любовались «медвежьей пляской» отроков, за отсутствием медвежин укутанных в черные овчины.

Ута снова принялась водить гребнем слоновой кости по своим рыжеватым, уже наполовину поседевшим волосам. Прибрала голову, нацепила волосник, стала разбирать платье, сложенное с краю. При этом шепотом постанывала: пуховые постельники за время пути свалялись, у женщин

¹ Благовещение Пресвятой Богородицы, 25 марта.

побаливали бока от спанья на неровной земле. Эльга и Ута были еще далеки от дряхлости — обеим три года не хватало до сорока, — но все уже не молоденькие девушки, которые таких мелочей не замечают.

Но вот Ута надела платье, подпоясалась и откинула полог. В полутемном шатре повеяло свежестью, Эльга глубоко вдохнула запах травы, земли, влаги. Этого им так долго не хватало в жарком, душном Греческом царстве, что она и сейчас не могла надышаться. Не встретишь здесь кружащих голову жасмина и розы, но от пронзительного запаха диких трав над большой рекой во всем теле вспыхивало ощущение жизни. Этот утренний дух будил воспоминания о каких-то давно миновавших зорях, когда она, еще молоденькая девушка, в такой же ранний час выходила на берег — только тогда это был не Днепр, а Великая, река северных кривичей, — и будущее лежало перед ней, огромное и неведомое, как те края, куда утекают реки.

Теперь жизнь ее была под стать тому величественному зрелищу, что открывалось из-под шатерного полога. Синяя ширь Днепра внизу под береговым склоном, зеленые полосы островов, дальше пышные белые облака на небокрае — будто огромные Перуновы овцы ночуют на земных лугах, прежде чем вновь выйти пастись на голубые вышние просторы. А еще дальше на север, пока не видный, ждал ее Киев — город на трех горах. Сегодня им предстоит встретиться. И город ждет: из Витичева, где ночевали вчера, вперед послали конного гонца.

За последние двадцать лет река жизни унесла Эльгу очень далеко от той прежней девушки, что гуляла у Русального ключа над Великой. Но порой, вдохнув пронзительную свежесть утренней земли, она вдруг ощущала ту девушку совсем рядом. И даже вновь верила в будущее счастье, хотя уже знала всю правду о своей судьбе.

* * *

Суда входили в Почайну. Солнце клонилось к закату, но еще не стемнело. Эльга и Ута, прибранные и принаряженные, сидели на корме, откуда уже убрали полотняную сень. Позади них шла лодья, где устроились две младшие княгини — Володея и Прибыслава, потом — нынешний древлянский князь Олег Предславич с женой и дочерью. Яркие шелковые одежды послов и женщин Эльгиной свиты — зеленые, голубые, желтые, смарагдовые, с цветными узорами — среди серых и белых свит на гребцах издалека бросались в глаза.

Теперь-то они умели одеваться и сами смеялись над собой-прошлогодними, которые без смущения натягивали облачения греческих священников, с залатанной на спине дырой от копья. Каждым таким платьем гордились поколениями: дескать, мужа дед привез из Олегова похода! Эльга потом видела многочисленные церкви, монастыри и поместья на Босфоре, в которых Вещий и взял свою добычу. Зато теперь ее знатные спутницы почти не отличались от ромейских патрикий: вместо прежней сорочки — туника с шитыми опястьями, поверх нее — стола из гладкого шелка, а на плечах — узорчатая накидка-пенула с золотой каймой.

О возвращении княгини известили заранее, и весь город высыпал ее встречать. Горы, склоны, даже тростниковые крыши изб и клетей — все было усеяно народом. Издали горожане в белых и серых сорочках напоминали голубей. Все кричали и махали руками. По левую руку Эльга видела Святую гору со своим новым двором, потом Киеву гору. Какой простор здесь, какая воля! За год она забыла это ощущение — когда смотришь на мир сверху, будто птица, и хочется летать. Там, в Царьграде, среди великолепия каменных громад, человек казался маленьким, как мышь, а тут превращался в великана.

Громко стучало сердце.

— Больше волнуюсь, чем когда невестой ехала, — вырвалось у Эльги, и она невольно взяла Уту за руку. — Тогда думала, сердце выскочит, а теперь понимаю — то смех был, а не тревога.

Ута не ответила, но стиснула ее пальцы. Казалось бы, замужество, ради которого Эльга приехала в Киев впервые, уже более двадцати лет назад, — самый важный перелом в жизни женщины. А вот нет. Теперь они подъезжали к Киеву совсем с другой стороны — не с полуночи, а с полудня, — пережив куда более важный переход. Совлекши с себя ветхого человека и облачившись в Иисуса Христа... И обе тайком трепетали от страха перед новой жизнью, которую им придется вести на старом месте, в старом окружении. Заново искать и налаживать связь со своей же родней. Общая кровь в их жилах осталась та же, но пути духа разошлись так далеко, что от мысли об этом земля будто таяла под ногами.

Сейчас закончится долгий путь, завершится странствие, продлившееся целый год. Как только она ступит на плахи подольского причала, порвется невидимая связь с Золотым царством — та, что она ощущала все эти два месяца с тех пор, как покинула град Константина.

Вот уже видны впереди пристани, полные народа. Наверное, такая же толпа собралась здесь, когда от греков возвращался Олег Вещий — повесив цветные паволоки на штевни и борта судов, так что его лодьи скользили по воде, будто чудные ирийские птицы.

— Вон князь! — крикнул Гридя-кормчий, вытянув шею. — Сам вышел матушку встречать!

«Ну, хотя бы жив», — мелькнуло в голове, и мысль о сыне придала Эльге сил. Она встала и шагнула вперед, оперлась о борт.

И Киев открылся перед ней во всю ширь — крутые горы, взвозы и тропки на склонах, избы, причалы, люди... Глаз по привычке искал что-то огромное — палатионы,